

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/72/16

Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследование ориентировано на изучение изменяющихся фрагментов русской картины мира, зафиксированных в лексикографических источниках советской эпохи и постсоветского периода, а также в современном дискурсе.

Задача статьи – анализ динамических процессов прагматически маркированного фрагмента словаря (религиозной лексики) на протяжении XX – начала XXI в. Отправной точкой исследования является словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, в котором религиозная лексика представлена достаточно полно, но описана с учетом идеологического контекста 30-х – 40-х гг. XX в. Сегодня очевидны как достоинства, так и недостатки лексикографирования «чуждой» для советской эпохи лексики.

Анализ словарных и корпусных данных позволяет сформулировать гипотезу о появлении в последние 10–15 лет амбивалентных (позитивных и негативных) коннотаций у лексического массива, который совсем недавно стал интерпретироваться словарями как нейтральный.

Семантика религиозного слова как идеологически маркированного в течение столетия несколько раз меняет свой коннотативный ореол, наполняясь новым прагматическим содержанием и отражая существенные изменения в социально-политической жизни общества. Идеологический и связанный с ним оценочный компоненты отражают один из самых противоречивых фрагментов языковой картины мира современной России.

Ключевые слова

динамические процессы в лексике и семантике, идеологизация, деидеологизация, идеологический компонент, оценочная семантика

Для цитирования

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 204–215. DOI 10.17223/18137083/72/16

Processes of ideologization and de-ideologization in Russian religious dictionary

E. Yu. Bulygina, T. A. Tripolskaya

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is focused on studying the changing fragments of the Russian picture of the world documented in lexicographic sources of the Soviet era and the post-Soviet period, as well as

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

in contemporary discourse. There are “eternal” concepts in the ideological field of society, reflected in the lexicon of native speakers as ideologemes. These lexemes represent the value system of a particular confession, social group, etc. It is this lexical layer that most acutely responds to socio-economic and political changes in society. The authors analyze the dynamic processes of a pragmatically marked fragment of a dictionary (religious vocabulary) during the 20th – early 21st centuries. The starting point is *D. N. Ushakov’s Russian Explanatory Dictionary*, which provides a thorough representation of religious lexicon, with interpretations determined by the ideological context of 1930–1940. Today, the strong and weak points of describing the lexicon, that was “alien” for the Soviet period, are obvious. The analysis of vocabulary and corpus data allows us to formulate a hypothesis about the emergence of ambivalent (positive and negative) connotations in the lexical array, which has recently been interpreted as neutral by dictionaries. Thus, when filled with new pragmatic content and reflecting significant changes in the socio-political life of society, the semantics of a religious word, as ideologically marked during a century, changes its connotative halo several times. The ideological and related evaluative components reflect one of the most controversial fragments of the linguistic picture of the world in modern Russia.

Keywords

dynamic processes in vocabulary and semantics, ideologization, de-ideologization, ideological component, evaluation semantics

For citation

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Processes of ideologization and de-ideologization in Russian religious dictionary. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 204–215. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/16

Исследование прагматически маркированной лексики лежит в плоскости коммуникативной лексикологии и активной лексикографии, в задачи которых входит выявление и лексикографическая интерпретация коммуникативного потенциала лексем, содержащих в структуре лексического значения оценочный, идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. компоненты.

В идеологическом поле социума есть «вечные» понятия, которые отражаются в лексиконе носителей языка как идеологемы. Эти лексемы репрезентируют систему ценностей той или иной политической системы, конфессии, социальной группы и т. д. «Стержнем» идеологической семантики является компонент «свой – чужой». Этот компонент обычно рассматривают на примере «советизмов», однако он обнаруживается и в других фрагментах лексической системы, например в конфессиональной лексике (*православие, мусульманство, иудаизм, религия, Бог, Всевышний* и др.); в наименованиях по национальным, расовым, этническим признакам (*кавказец, лицо кавказской национальности, грузин, чеченец, немец, еврей, цыган, чукча* и др.); в социально-профессиональной лексике (*милиция – полиция, менеджер – управленец, разведчик – шпион* и др.); в политической лексике (*товарищи из братских коммунистических партий, верные ленинцы, западные партнеры, политические оппоненты, либералы, демократы, почвенники, патриоты* и др.).

Во всех перечисленных группах наблюдаются интенсивные динамические процессы, которые связаны с появлением / возвращением / вытеснением / сменой идеологически маркированных значений. Именно этот лексический слой наиболее остро реагирует на социально-экономические и политические изменения в обществе.

Интенсивность указанных семантических процессов особенно заметна на фоне собственно оценочных значений, в которых смысловые сдвиги идут медленно или

эмоционально-оценочная составляющая остается неизменной на протяжении длительного времени. Ср., например: *нетух* перен. О задорном, заносчивом человеке; *забияка* (разг. фам.) (ТСУ); *нетух 2. Разг.* О задиристом, запальчивом человеке, *забияке* (МАС); *нетух 2.* перен. О задорном человеке, *забияке* (разг.) (ТСОШ); *нетух 2.* Перен. Задиристый человек, *забияка* (разг.) (Лопатин, Лопатина, 2009).

Эмотивно-оценочный компонент достаточно быстро и существенным образом изменяется, когда он непосредственно связан с идеологическим. Ср.: *либерал* – политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще, желающий большой свободы народа и самоуправления (Даль, 2000). Начиная с советских времен, слова *либерал*, *либеральный* и *либерализм* имеют негативно ориентированную семантику, связанную с понятием идеологически чуждого течения (в буржуазном мире). Ср.: Либерализм (книж.) 1. Система политических идей, взглядов, <...> свойственная идеологам промышленной буржуазии, <...> **отстаивающая трусливо и непоследовательно, политические свободы в интересах «свободы» приобретения и эксплуатации** (сохранена орфография составителей словаря. – Т. Т., Б. Е.) **пролетариата**. <...>. 4. Преступная **снисходительность, попустительство** (нов. неодобрит.). **Гнилой либерализм** (ТСУ). Дальнейшая судьба лексем *либерал* и *либерализм* связана с эпохой Перестройки. Так, словарь Г. Н. Складневской, отражающий снятие идеологических буржуазных и советских коннотаций, возвращает этим лексемам их смысловую связь с исходным *liberté* (свобода). Ср.: Либерал, а, м. – сторонник политики либерализации общественных отношений; свободомыслящий человек. <...>. *Россия сегодня – мечта ранних либералов: государство уже почти не вмешивается в экономику*. МН, 22.05.94 – 29.05.94 (Складневская, 1998).

В последнее десятилетие исследуемые единицы вновь попадают в идеологический контекст: для части социума они сохраняют известное значение «свободо-мыслящий человек, отстаивающий гражданские свободы», для другой части говорящих в современном политическом дискурсе *либерал* отличается крайне резкой отрицательной оценкой, связанной с противопоставлением так называемых патриотических (наших) ценностей чужим.

Как видим, семантико-прагматические изменения в идеологически маркированном словаре происходят «скачкообразно», кардинально меняя содержание слова: лексическое значение утрачивает / приобретает / изменяет прагматические элементы.

Задача настоящей статьи – анализ динамических процессов прагматически маркированного фрагмента словаря (религиозной лексики) на протяжении XX – начала XXI в. Религиозная лексика, отражающая борьбу православного и атеистического мировоззрений в Советскую и постсоветскую эпохи, неоднократно меняла аксиологические векторы. Отправной точкой исследования является словарь под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ), в котором религиозная лексика представлена достаточно полно, но описана с учетом идеологического контекста 30-х – 40-х гг. XX в. Сегодня очевидны как достоинства, так и недостатки лексикографирования «чуждой» для советской эпохи лексики. Естественно было бы ожидать, что религиозная лексика будет изгнана из по сути дела первого советского толкового словаря. Невзирая на идеологические предписания, авторам ТСУ удалось включить достаточно полный объем религиозной лексики, снабдить эту лексику близкими к энциклопедическим толкованиями, переведа ее, однако, из активного употребления и представив с помощью различных помет и иллюстративного материала как явление словарной периферии (лексика устаревшая, функ-

ционирующая в книжной речи, характерная для ограниченного социума, имеющая отрицательные коннотации). Указанные тенденции в словарном описании религиозной лексики сохранялись в отечественной лексикографии достаточно долго [Тимофеев, 1996; Емельянова, 2000; Михайлова, 2004; Слаутина, 2006; Булыгина, Трипольская, 2007].

Аксиологическими маркёрами служат следующие элементы толкования: *культ, мистика, мистический, так называемый, якобы, их бог* и др. [Булыгина, Трипольская, 2007]. Подобные толкования поддерживаются «идеологически выверенным» иллюстративным материалом и/или системой семантически осложненных помет, которые как содержательные компоненты словарной статьи эксплицируют идеологическое содержание. Ср.: *религия* – взгляды и представления, основанные на мистике, **на вере в чудодейственные силы и существа**. <...>. *Религия есть опиум народа*, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мирозерцания марксизма в вопросе религии. Ленин; *Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством*. Ленин; *вечеря (церк.-книжн. устар.)*. Ужин. *Тайная в.* (по евангельскому рассказу – последний перед смертью ужин Христа с учениками, во время которого, по христианскому учению, установлено **т. наз. таинство причащения**); *христианство* – религия, в основе которой лежит **культ мифического Иисуса Христа** как богочеловека; *молитва*. 1. Действие по глаг. молиться. 2. Канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении к их богу. Ср.: в толковании производящего глагола *молиться* вместо сочетания «к их богу», актуализирующего семантику «свой – чужой», появляется квантор неопределенности, который маскирует отсылку к ключевой лексеме *бог* (*молиться* – произносить молитву, обращаясь к кому-н. с молитвой). Адресат молитвы легко прочитывается, поскольку глагол *молиться* относится к глаголам «с встроенным адресатом». Цитата из Н. Некрасова в словарной статье иллюстрирует именно эту семантико-сочетаемость особенность лексемы.

Для исследования динамических процессов идеологически маркированного языкового знака важно понимать, как от идеологического наследия ТСУ освобождались (и освобождались ли?) словари 80-х, 90-х гг. и рубежа XX–XXI вв., создатели которых не испытывали уже такого сильного цензурного давления. Изменения в семантизации, подборе иллюстративного материала [Ильенко, 2003] и в системе помет происходили медленно, и только в ТСОШ процесс деидеологизации религиозной лексики был завершен. Современные словари, в основном преодолевшие идеологические стереотипы, формируют иную картину мира носителей языка, возвращая православные ценности как неотъемлемую часть русской культуры и воспитывая толерантное отношение к другим конфессиям [Булыгина, Трипольская, 2007; 2013].

Уточним, что под деидеологизацией религиозной лексики обычно понимается снятие советских коннотаций, в первую очередь компонентов «чужой», «чуждый советскому человеку», «ложный».

Анализ словарных и корпусных данных НКРЯ позволяет сформулировать гипотезу о появлении амбивалентных (позитивных и негативных) коннотаций у лексического массива, который совсем недавно стал интерпретироваться новейшими словарями как нейтральный (см., например, ТСОШ; Скляревская, 2000 и др.).

Мы сосредоточимся на ядерных элементах религиозного словаря, поскольку идеологическую маркировку, включая оценочное значение, получают лексемы, которые семантически связаны с ключевыми религиозными понятиями: *бог, господь, поп, вера, молитва, церковь, религия, христианство, православие, православный, РПЦ* и др. Стоящие за этими лексемами понятия формируют аксиологический дискурс, воплощающий позиции противоборствующих идеологических систем: утверждающий главенство православных ценностей; отражающий становление и утверждение советской атеистической парадигмы, происходящее путем дискредитации христианских установлений; представляющий десоветизацию и реабилитацию основ православной культуры.

Последние пятнадцать лет наблюдается усиление влияния церкви на процессы, происходящие в светском государстве, «снятие» противоречий между религиозным и коммунистическим мировоззрениями (см., например, тексты публичных выступлений Г. А. Зюганова). Социальные процессы находят отражение в лексической системе языка: актуализируется идеологическая семантика «свой – чужой» в сфере конфессиональной лексики, которая непродолжительное время трактовалась в лексикографических источниках как нейтральная. Идеологические коннотации лексических единиц в зависимости от позиции говорящего становятся диаметрально противоположными. Можно говорить об одновременном существовании разных оценочных ориентиров в отношении деятельности православной церкви, что усложняет современную картину мира, в которой противопоставлены позиции разных общественных групп.

Современные дискурсы – политический, научный, бытовой, – посвященные проблемам религии, РПЦ, вере и безверию¹, отличаются сложным, противоречивым и бескомпромиссным аксиологическим содержанием. В нем выделяются так называемые вечные темы об истинной и «имитируемой» вере, о богатстве и алчности церковнослужителей, о взаимоотношении верующих и атеистов, о взаимодействии разных конфессий, о церкви и государстве. После Октябрьского переворота церковь была подчинена большевистскому государству, и в силу этого доминировал антирелигиозный государственный дискурс. Об этом в первую очередь свидетельствует лексикографическая практика: словарь призван не только отражать, но и формировать картину мира социума (см., например, иллюстративный материал классических толковых словарей). Во время Перестройки и в 90-е гг. формируется уважительное отношение к церкви и религиозному мировоззрению (Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ) – и новейшие словари «снимают» негативные элементы в толковании религиозной лексики. Иными словами, словари отражают семантический процесс деидеологизации (десоветизации) религиозной лексики. О нейтральном или позитивном отношении социума к церкви свидетельствует и публицистический дискурс девяностых и нулевых годов:

*Современный период развития российского общества характеризуется **возрастанием роли религиозного фактора**. В статье приводится мнение человека, работающего в сфере государственно-конфессиональных отношений двадцать лет, о состоянии религиозной ситуации, факторах её развития и роли государства в её формировании (Себенцов, 2009, 79); Впервые за много лет религия обрела справедливое понимание как **одна из равноправных форм общественного сознания и важный элемент национальной культуры**, отражающая взгляды*

---

¹ Мы не рассматриваем собственно религиозный дискурс.

и чувства миллионов людей, заслуживающая высокое уважение общества и государства (Добрускин, 2006, 61); Новый фильм Владимира Хотиненко «Поп» рассказывает об одной из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны – деятельности Псковской православной миссии (ЖМП, 2010).

В последнее десятилетие в общественно-политическом дискурсе доминируют проблемы православной церкви и ее взаимодействия с государством, другими конфессиями и атеистами, а не обсуждение собственно религиозной тематики. Публичное обсуждение перечисленных проблем представлено текстами противоположной оценочной модальности. Начнем с анализа церковно-государственной позиции, которая представлена в текстах, формирующих положительный образ РПЦ и православных священнослужителей:

В процессе реализации новой стратегии (в ответ на вызовы современности) Русская православная церковь пытается переосмыслить образ современного священнослужителя и представить обществу грамотного священника с широким кругозором, способного адаптировать духовное послание к пониманию представителей различных социальных групп и общностей. В связи с этим Московская Патриархия поддерживает стремление СМИ освещать церковную тематику с целью формирования у населения целостного и всестороннего представления о социальной роли духовенства (Морозов, 2016, 184); Сегодня Русская православная церковь (РПЦ) активно участвует в социально-культурной жизни российского общества. <...>. Если на протяжении всего существования СССР в обществе доминировала точка зрения на религию и церковь как на временный феномен, обреченный на постепенное исчезновение, то со сменой политического режима взгляд на церковь в российском обществе постепенно изменился, стала более понятна роль церкви и ее значимость в социальной и духовной жизни общества (Большакова 2011); В России постепенно реконструировали часть разрушенных храмов и развернули строительство новых (Яжиньска, 2013).

Отметим, что в 2000-х формируется общественно-политический дискурс, отражающий и негативное отношение к РПЦ и противостоящий церковно-государственному дискурсу. Однако основания отрицательной оценки в семантике религиозного слова иные, чем в советской идеологической системе: они скорее соотносимы с атеистическим мировоззрением конца XIX – начала XX в. Советский общественно-политический дискурс делал акцент на противопоставлении атеистического и религиозного (независимо от конфессии) мировоззрений.

Одновременно с положительно ориентированным высказыванием появляется развернутая критика многих сторон современной церковной деятельности. Актуализируются компоненты «оценка» и «эмотивная оценка», при этом идеологическое содержание в семантике религиозной лексики явно отодвигается на второй план, поскольку оценивается не идеологическая (религиозная) парадигма, но деятельность церкви и ее представителей. Можно выделить следующие основания негативного отношения.

- **Стремление к личному обогащению, алчность:** вечный спор о бедности и богатстве церкви и ее иерархов решен российской церковью однозначно в пользу богатства. В советском же дискурсе вопрос богатства церкви и ее служителей практически не обсуждался в общественном пространстве. Ср. два текстовых фрагмента, между которыми более ста лет:

Лишь по имени назван в рассказе Петербург, убивший молодую девушку, бледной тенью проходит сама Вера, двумя-тремя штрихами – превосходными штри-

хами! – намечены добродушная старуха мать и крутой сребролюбец поп... (Троцкий, 1902); Сказал патриарх и улетел на суперджете бедствовать на собственной яхте (Комментарий к видео, 2018); Когда **попы** отдадут все награбленное на детские больницы, а сами начнут служить в простой рубахе, босиком на берегу река, как это делал Иисус, тогда за **веру** и поговорим (Аминев, 2018).

Тема бедности и богатства церкви и священнослужителей имеет в современном публицистическом дискурсе особое преломление, актуализируя смысловые компоненты «церковь и бизнес».

- **Коммерциализация РПЦ**

Коммерческая деятельность РПЦ несовместима с функциями религиозной организации, с ее положением в обществе, не говоря уже о моральной стороне. Табачно-алкогольное опьянение народа – отнюдь не благородное дело, тем более для церкви с ее высокими моральными принципами. Но, как правило, все требования церкви неукоснительно выполняются государством (Добрускин, 2006, 62); Все это могло случиться благодаря исключительному вниманию государственных органов к запросам церкви, лично президента, хотя ее торговые акции наносят ущерб интересам государства. Протест Общественного комитета свободы совести против коммерциализации церкви <... > остался без последствий. Не удовлетворяясь полученными привилегиями, церковь выдвигает новые требования – освобождение от акциза ювелирных изделий религиозного назначения, а также снижение и без того минимальных налоговых обложений, о чем свидетельствует недавнее обращение РПЦ в Министерство по налогам и сборам (Добрускин, 2006, 62); Но если на рубеже девятнадцатого – двадцатого веков православный предприниматель манифестировал свою веру социальной активностью, то нынешний манифестирует ее душевспасительными беседами и участием в «православных мероприятиях» (Борисова, 2013).

- **Привилегированное положение РПЦ среди других конфессий**

В многоконфессиональной стране проблема взаимоотношений разных религий была и остается острой (и в XIX, и в XXI в.). Привилегированное положение одной из конфессий всегда вызывает негативное отношение.

В документах была графа «Вероисповедание». Запись «православный» открывала человеку многие двери. Запись «мусульманин» или «буддист» вела его по другой дороге, со своими привилегиями (Суперанская, 2009); Он не весь православный, а только «выкрест» (Шмелев); Как известно, в соответствии с Конституцией Россия остается светским государством, придерживающимся принципа религиозного плюрализма. Однако <...> православие (и РПЦ) неофициально занимает привилегированное положение по отношению к другим вероисповеданиям, в том числе к конфессиям, которые тоже признаны «традиционными»: к исламу, иудаизму и буддизму (Яжиньска, 2013); Первым сложным моментом стало для меня то, что я увидела, как в актовом зале входит православный священник. Потому что представители никаких иных конфессий приглашены не были. И мне кажется, это уже само по себе немножко неправильно. Особенно с учетом того, что у нас, например, немало детей из мусульманских семей в школе (Школа и РПЦ, 2015).

Отрицательный оценочный компонент, реализующийся в приведенных контекстах, формируется в семантике религиозного слова под воздействием процесса «государствления» РПЦ.

- **Отождествление национальной и религиозной идентичности**

С проблемой взаимодействия разных конфессий связано и распространение представлений о национальной и религиозной идентичности.

*Человек, гражданин России, платящий налоги, исполняющий законы, но не причисляющий себя к русским (не пьёт, не ругается матом, не **православный**), он является русофобом?* (Фонтанка.Ру, 2007); *Если еще не так давно, русский означало **православный** и **православный** в России означало русский, то сейчас нет такого отождествления* (Форум, 2012).

- **Взаимоотношения школы и церкви**

В июле 2007 года было написано открытое письмо десяти академиков, среди которых лауреат Нобелевской премии, президенту Путину, в котором были высказаны опасения по поводу проникновения РПЦ в институты государства и государственного образования. Письмо утверждает, что Патриархия пыталась внедрить предмет о православном вероучении в школьный курс под видом «Основ православной культуры» (Борьба...).

- **Участие церкви во внешней и внутренней политике государства**

*В сущности, такую же веру исповедует и мэр города, «образцовый **православный христианин**», для него церковь, дружба с епископом – своеобразный административный ресурс, лишняя гарантия накануне выборов (Краснова, 2015); Вопреки этому совету, РПЦ активно участвует в делах государства, в определении его политического курса, о чем свидетельствуют официальные и частные контакты руководителей церкви и государства, их выступления, а также декларации Патриарха по крупным социально-политическим проблемам и его многочисленные интервью представителям печати. Руководящие иерархи РПЦ постоянно участвуют в кремлевских совещаниях и государственных актах (Добрусин, 2006, 64).*

- **Связь церкви с КГБ – ФСБ**

*Как вышло, что церковь превратилась из места, где ищут правду, в механизм, обслуживающий государство? Сейчас ответить на это лучше всего может история Глеба Якунина, когда-то **православного священника**, депутата, а потом человека, который занялся очищением церквей от бывших агентов спецслужб. Это он раскрыл документы, о которых сейчас не принято вспоминать – как **КГБ фактически управляла церковью**. Кстати, за четверть века сама церковь на эти публикации так не нашла, что ответить. Нет, я понимаю, конечно, что мыть ноги бомжам – это напряг. Но есть же такие простейшие вещи, которые не требуют никакого подвига. Даже ничего не стоят. Но ценятся высоко. Может, кто-то из окружения патриарха Кирилла подскажет главе РПЦ <...> (Шепелин, 2018).*

- **Борьба с инакомыслием**

*В 2012 году возрождённые **православные активисты продолжили борьбу с инакомыслием** и приступили к возвращению России в историческое начало развития православия, в котором, по их мнению, не предусмотрено познание астрономических наук. Православные активисты намерены собрать в Интернете 100 тысяч подписей под **запретом на преподавание в школах и университетах России астрономии**. По их мнению, современные данные, собранные наукой, могут нанести вред укреплению православной веры и других, традиционных для России религий. Также они требуют закрыть обсерватории и планетарии и прекратить продавать телескопы с кратностью увеличения больше сорока. По мнению православных активистов, современные научные данные вредят*

православной вере и другим традиционным религиям. Другими словами, научные открытия доказывают обратное и в корне противоречат Библии и тому, что наш мир создан Богом (Приходько, 2013); Однако как сама конференция, так и термин «толерантность» были подвергнуты резкой критике со стороны епископа Пермского и Соликамского Иринарха (Грезина). <...>. Епископ клеймил само понятие «толерантность» как вредоносное западное изобретение чуждое христианским принципам <...> (Борьба...).

- **Противостояние верующих и атеистов**

Наиболее ярким проявлением подобного противостояния, неоднозначно оцениваемого социумом, является закон об оскорблении чувств верующих. Если в советском дискурсе «гонимыми» оказывались верующие, то в начале XXI в., судя по правовым и публицистическим материалам, менее защищенными оказались атеисты. Ср.: *О том, что появляется закон, который, во-первых, неконституционен: выделяя верующих в привилегированную группу, чьи чувства подлежат особой защите, тем самым нарушается принцип светского государства. Во-вторых, что этот закон юридически абсурден, ибо чувства вообще нельзя оскорбить. А в-третьих, что этот закон будет использоваться не только как «дубина» против конституционных принципов свободы мысли, слова и выражения убеждений, но и как обоснование репрессий против тех, кто посмеет критиковать РПЦ или возражать против ее планов* (Вишневецкий, 2016); *И не только вопиющий произвол «правоохранителей» – когда у людей, подозреваемых в преступлении небольшой тяжести, устраивают издевательские утренние обыски и задержания, врываясь в квартиры с собаками и изымая ноутбуки и телефоны, которые точно никого не оскорбляли («37-й год пришел с крестом и в рясе», – заявил глава московского «Яблока» и один из защитников «Торфянки» Сергей Митрохин)* (Вишневецкий, 2016); *А своим домашним устроила «православный террор», обвиняя их в вопиющем неблагочестии...* (Кучеренко, 2013).

Сложный и аксиологически противоречивый контекст свидетельствует о том, что происходит, с одной стороны, формирование государственной пропагандой образа «своих» (православных и русских) и «чужих» (атеистов, невоцерковленных, несогласных, «пятой колонны»). В отличие от советского (государственного) современный антиклерикальный дискурс существует как оппозиционный, направленный против вмешательства церкви в дела светского государства.

Лексическая организация позитивного дискурса о роли церкви в современном обществе отличается характером оценки: доминированием рационального оценочного компонента в семантике слова и наличием вербализованных оснований положительной оценки, что повышает ее адекватность, а также отсутствием гиперболизации, связанной с эмотивной составляющей. Негативный дискурс формируется за счет эмотивно-оценочной лексики, с категоричным, порой гиперболизированным и эмоциональным содержанием.

Таким образом, семантика религиозного слова как идеологически маркированного в течение столетия несколько раз меняет свой коннотативный ореол, наполняясь новым прагматическим содержанием и отражая существенные изменения в социально-политической жизни общества. Идеологический и связанный с ним оценочный (эмотивно-оценочный) компоненты отражают один из самых противоречивых фрагментов языковой картины мира современной России.

Русская религиозная лексика характеризуется сложным, многослойным идеологическим содержанием, включающим собственно христианскую (православ-

ную) составляющую, которая в разные эпохи осложняется идеологическими (политическими) коннотациями, актуализирующими противостояние «своих» и «чужих». Динамические процессы в этой группе лексики могут быть представлены как советизация, десоветизация и появление в последнее двадцатилетие новых, порой противоположных, оценочных коннотаций.

Список литературы

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Религиозная лексика: лексикографическая интерпретация идеологической семантики // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск. 2007. Вып. 10. С. 122–135.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Принципы отбора иллюстративного материала в текстах разновременных словарей // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). СПб.: САГА, 2013. С. 364–370.

Емельянова О. Н. Церковная лексика в малом академическом словаре русского языка // Вестник Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 101–103.

Ильенко С. Г. О контекстуальном компоненте толкового словаря (на материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) // Русистика. СПб., 2003. С. 614–619.

Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Слаутина М. В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.

Тимофеев К. А. Из наблюдений над религиозной лексикой русского языка // Дискурс. 1996. № 1. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_10.htm (дата обращения 10.02.2020).

Список словарей

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2000.

Лопатин В. В., Лопатина Л. В. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009. 928 с.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. 278 с.

Скляревская Г. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения. СПб: Фолио-Пресс, 1998. 699 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

МАС – *Евгеньева А. П.* (ред.) Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 15.02.2020).

ТСОШ – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: АЗЪ, 1994. 907 с.

ТСУ – *Ушаков Д. Н.* (ред.) Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энциклопедия, 1935–1940.

References

Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Religioznaya leksika: leksikograficheskaya interpretatsiya ideologicheskoy semantiki [Religious lexicon: lexicographical interpretation of the ideological semantics]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, 2007, iss. 10, pp. 122–135.

Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Printsipy otbora illyustrativnogo materiala v tekstakh raznovremennykh slovarey [The principles of the selection of illustrative material in the texts of different dictionaries]. In: *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Il'enko)* [Word. Vocabulary. Literature: Communication. Text. Syntax (on the occasion of the 90th birthday of S. G. Ilyenko)]. St Petersburg, SAGA, 2013, pp. 364–370.

Emel'yanova O. N. Tserkovnaya leksika v malom akademicheskom slovare russkogo yazyka [Church vocabulary in the small academic dictionary of the Russian language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2000, no. 2, pp. 101–103.

Il'enko S. G. O kontekstual'nom komponente tolkovogo slovary (na materiale "Tolkovogo slovary russkogo yazyka" pod red. D. N. Ushakova) [On the contextual component of the explanatory dictionary (based on the material of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov)]. In: *Rusistika* [Russian Language Studies]. St Petersburg, 2003, pp. 614–619.

Mikhaylova Yu. N. *Religioznaya pravoslavnaya leksika i ee sud'ba (po dannym tolkovykh slovarey russkogo yazyka)* [Religious Orthodox of the lexicon and its fate (based on the data of the explanatory dictionaries of Russian language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2004, 20 p.

Slautina M. V. *Osobennosti reprezentatsii khristianskoy kartiny mira v leksike russkogo yazyka* [Peculiarities of representation of the Christian picture of the world in the lexicon of the Russian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2006, 18 p.

Timofeev K. A. Iz nablyudeniy nad religioznoy leksikoy russkogo yazyka [From observations of religious vocabulary of Russian language]. *Discourse*. 1996, no. 1. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_10.htm (accessed: 10.02.2020).

List of dictionaries

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow, Rus. yaz., 2000.

Lopatin V. V., Lopatina L. V. *Illyustrirovannyy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Illustrated explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Eksmo, 2009, 928 p.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian language national corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed: 15.02.2020).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. 2nd ed. Moscow, AZ, 1994, 907 p.

Sklyarevskaya G. N. *Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church culture]. St. Petersburg, Nauka, 2000, 278 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of Russian language: In 4 vols]. A. P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1985–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols]. Moscow, Leningrad, 1948–1965.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of Russian language: In 4 vols]. Ushakov D. N. (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1935–1940.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa 20 v.: yazykovye izmeneniya [Explanatory dictionary of Russian language of the end of the 20th century: language changes]. G. N. Sklyarevskaya (Ed.) St. Petersburg, Folio-Press, 1998, 699 p.

Сведения об авторах

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, директор Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

bulyginalena2010@mail.ru
ORCID 0000-0001-5191-7896

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

tatianatripolskaya@gmail.com
ORCID 0000-0003-0820-0325

Information about the authors

Elena Yu. Bulygina – Candidate of Philology, Assistant Professor, Professor at the Department of Modern Russian Language and its Teaching Methodology, Director of Institute of Philology, Mass Communication and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

bulyginalena2010@mail.ru
ORCID 0000-0001-5191-7896

Tatiana A. Tripolskaya – Doctor of Philology, Professor at the Department of Modern Russian Language and its Teaching Methodology, Institute of Philology, Mass Communication and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

tatianatripolskaya@gmail.com
ORCID 0000-0003-0820-0325